

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ОЛЕНЕВОДСТВА В НАЧАЛЕ XX в. (на примере Северо-Эвенского района Магаданской области)

Н.В. Мальцева

В начале XX в. этнические трансформации в среде оленеводов Северо-Востока обуславливались в основном межэтническими взаимодействиями, под влиянием которых жизненный уклад коренных жителей претерпевал ряд изменений, т.е. адаптировался к вновь создаваемым этнокультурным условиям. Однако в процессе адаптации у различных этносов выявлялись существенные отличия, которые привели к возникновению новых этнолокальных групп.

Традиционное природопользование, коряки, эвены, палеоазиатский способ ведения оленеводства, тунгусский тип оленеводства.

В настоящее время представители коренных этносов занимаются оленеводством только в двух несмежных из восьми районов Магаданской области — Среднеканском и Северо-Эвенском, тогда как в начале XX в. вся территория рассматриваемого региона была ареной хозяйствования оленеводов-кочевников. Закономерен поэтому вопрос о факторах, обусловивших именно такую избирательность. Исследования в данном направлении важны в прикладном аспекте: постоянной заботой региональной власти является недопущение полного исчезновения этой отрасли природопользования. В общенаучном плане прояснение этого факта способно пролить свет на особенности этнокультурных трансформаций в зависимости от характера межэтнических взаимодействий и потестарных влияний. Таким образом, несомненна актуальность изучения эволюции оленеводческой культуры в новейшее время в тех местностях, где она продолжает сохраняться и поныне. Поскольку эта тема в отношении Среднеканского района уже раскрывалась [Банщикова, 2012], в данной статье мы рассмотрим жизнеобеспечивающие практики оленеводов Северо-Эвенского района (Гижигинский уезд) в начале XX в.

В исследуемый период этнические трансформации в сфере оленеводства обусловлены в основном межэтническими взаимодействиями, влияние со стороны государственных органов власти было минимальным. Тем не менее жизненный уклад коренных жителей претерпевал некоторые изменения. Адаптация к вновь создаваемым условиям стала ответом на взаимодействия коренных народов. При этом важно то обстоятельство, что характер адаптаций был различен у разных этносов и этнолокальных групп, и анализ состояния дел в избранной нами местности дает возможность это проследить: Северо-Эвенский район уникален тем, что на его территории хозяйствуют два этноса — коряки и эвены, которые являются наследниками и до известной степени носителями двух основных типов оленеводческой культуры Северо-Востока России — тунгусского и палеоазиатского.

Первые сведения об истории коряков были получены еще во второй четверти XVIII в. Я.И. Линденау [1983], однако они отличаются фрагментарностью. Корякам посвящена глава в труде С.П. Крашенинникова [2010], в которой содержатся сведения об их расселении, материальной культуре и религиозных верованиях. В двухтомной монографии В.И. Иохельсона [1997] были описаны материальная и духовная культура коряков, их общественный строй. Даны сведения о коряках, проживающих на северном побережье Охотского моря. Вопросы обмена между береговыми и оленными коряками, социальные расслоения группировок, этнические взаимодействия показаны Н.Н. Билибиным [1934]. В.В. Антропова [1957] рассматривает обмен продуктами между представителями различных хозяйственных комплексов как зачаток рыночных отношений у коряков.

В работе В.К. Арсеньева [1999] представлен этнографический и численный состав Гижигинского района¹. Освещен традиционный способ природопользования коренных жителей (рыболовство, охота, оленеводство). Автор первым отмечает, что корякское население Гижигинского района занимается оленеводством и «в умножении стад своих [они] видят цель своей жизни» [Там же, с. 71]. Так, в 1907 г. стада одомашненных оленей насчитывали около 500 тыс. голов [Там же, с. 75]. Подробные сведения о коряках Северо-Эвенского района Магаданской области даны в статье И.С. Гурвича [1980], который первым подразделил оленных коряков на две этнографические группы и подробно охарактеризовал их жизнедеятельность.

Современные работы, посвященные коренным народам Магаданской области в целом и корякам в частности, принадлежат И.Д. Бацаеву, Л.Н. Хаховской, А.Н. Полежаеву. И.Д. Бацаев [1997] дает характеристику аграрному сектору экономики Магаданской области, в том числе оленеводству, приводя сведения о производственных показателях отрасли. О попытках сохранить традиционную культуру коряков путем вовлечения их в традиционные виды хозяйственной деятельности — оленеводства и промыслов — при постоянной государственной поддержке пишет А.Н. Полежаев [2006]. Этническая история коренных народов Магаданской области в XX — начале XXI в., в том числе коряков, освещена Л.Н. Хаховской [2008]. В ее работах охарактеризованы культурные, экономические и социальные трансформации коренных народов области, в частности коряков Северо-Эвенского района.

В статье применен сравнительно-исторический подход, позволяющий проследить качественные изменения системы ведения оленеводческого хозяйства и связанного с ним жизненного уклада коренных жителей на протяжении выделенного периода.

К началу XX в. на территории будущего Северо-Эвенского района хозяйствовали два оленеводческих народа — коряки и эвены, которые практиковали качественно различные системы традиционного природопользования. При этом и коряки, и эвены не составляли однородных сообществ, а распадались на локальные группировки, этнокультурный облик которых различался. Принимая во внимание способ ведения оленеводства и связанный с ним жизненный уклад, на рассматриваемой территории мы выделяем четыре типа хозяйств: 1) корякские крупностадные хозяйства; 2) комплексные хозяйства коряков; 3) малооленные хозяйства эвенов; 4) эвенские хозяйства, обладавшие большим, чем предыдущие, количеством оленей.

Корякское крупностадное хозяйство — классический пример палеоазиатского способа ведения оленеводства, одной из основных черт которого является продуктивная направленность: олени служили основным, а подчас и единственным источником жизнеобеспечения. Все внимание уделялось выпасу и охране животных, численность которых варьировалась в значительных пределах. Палеоазиатский тип оленеводства складывался таким образом, что обуславливал асимметричный характер экономических и социальных взаимоотношений: одни оленеводы богатели, сосредоточивая в своих руках крупные стада, другие же, обладая небольшим стадом или безоленные, не могли жить за счет собственных оленей и вынуждены были наниматься в качестве пастухов к зажиточным оленеводам. Так формировались корякские микролокальные хозяйственно-социальные ячейки — стойбища, во главе которых стоял зажиточный («переднедомный») хозяин, а вокруг него группировались зависимые оленеводы со своими семьями. Высокий социальный статус крупного стадовладельца основывался именно на его имущественном положении; обладатель этого статуса — хозяин стойбища пользовался авторитетом в решении всех важных хозяйственных, бытовых и культурных вопросов. Такое стойбище оленных коряков состояло из 3–4 яранг, насчитывая до 20 чел. [Антропова, 1957, с. 137]. Таким образом, одним из условий существования крупностадного палеоазиатского оленеводческого хозяйства было наличие социальных полюсов «зажиточный хозяин/малоимущий пастух». Более редким являлся другой вариант стойбищных группировок: несколько маломощных семей объединялись на равноправной основе. Выпасаемое стадо было значительным по численности, в противном случае у животных терялся инстинкт стадности.

На рассматриваемой территории такой тип оленеводства был присущ верхнепареньской группировке коряков, осваивавшей бассейны рр. Гижига, Парень, верхние притоки р. Омолон. Согласно переписи 1926/27 г., на данной территории проживали 363 пареньских коряка и 263 гижигинско-омолонских [Шавров, 1997, с. 231]. Стада отличались сравнительно крупными разме-

¹ В 1926 г. территория бывшего Гижигинского уезда была разделена: его восточная часть с Гижигой вошла в состав Пенжинского района Камчатской области, а западная — в Северо-Эвенский район с новым центром — Наяханом [ГАМО, ф. Р-43, оп. 1, д. 97, л. 1].

рами — от 3,5 тыс. до 10 тыс. голов и более [Билибин, 1934, с. 14], позволявшими оленеводам удовлетворять свои потребности в пище и шкурах [Гурвич, 1983, с. 101]. В зимнее время стада выпасались на границе тундровых и лесотундровых районов. Перекочевки совершались всего несколько раз и зависели от того, как быстро животные съедали ягель. Движение стада началось ранней весной, когда пастухи гнали его к местам отела важенок. После отела стадо продвигалось к летним пастбищам и только во второй половине августа — начале сентября возвращалось с летовок [Там же, с. 101–102]. Основная масса животных у коряков была приручена слабо, поэтому окарауливать приходилось круглосуточно и круглогодично, распуск не практиковался, так как отколовшиеся от основного стада животные быстро дичали. Привычны к человеку были только ездовые олени, которых специально обучали хождению в упряжке и подкармливали мочой. Подсобное значение для верхнепареньцев имело рыболовство: промысел вели старики, женщины и дети, остававшиеся на летних стоянках, в то время как пастухи уходили со стадами. Добычей морского зверя верхнепареньские коряки не занимались, а необходимые им шкуры лахтака и нерпичий жир получали путем обмена с береговыми коряками [Гурвич, 1980, с. 113–114].

Комплексный тип хозяйства был свойствен другой корякской группировке — тайгоносской, которая проживала на п-ве Тайгонос достаточно обособленно, редко покидая его территорию. Всего в тайгоносской группе коряков в первой трети XX в. насчитывалось 272 чел. [Там же]. Большинство владели весьма ограниченным количеством оленей, однако были и оленеводы, чьи стада насчитывали более 500 голов [Там же, с. 112]. Зимой тайгоносцы выпасали стада недалеко от Охотского побережья в лесной местности, лето проводили в глубине полуострова, на горных возвышенностях. Перекочевки шли по долинам рек, где оленеводы постоянно контролировали оленей, окарауливали их. Так же как и верхнепареньцы, коряки Тайгоноса летом оставляли семьи на побережье, а сами практиковали бесчумный выпас. Различие между этими двумя группировками заключается в том, что тайгоносские оленеводы значительное время уделяли и другим хозяйственным занятиям — сухопутной охоте на дикого оленя и морскому промыслу, который вели осенью, когда стада подкочевывали к летним стойбищам. Таким образом, хозяйствование тайгоносцев характеризовалось комплексностью, однако приоритет отдавался оленеводству [Там же, с. 112–113; Гурвич, 1983, с. 102]. Невыясненным остается вопрос о происхождении комплексной экономики тайгоносцев — являлась ли эта черта реликтом прежнего уклада, существовавшего у всех коряков накануне оленеводческой специализации, или же это, напротив, инновация, связанная с частичной утратой оленей и компенсационным освоением новых хозяйственных навыков.

Согласно имеющимся данным, тайгоносская локальная группа коряков характеризовалась отличительным самосознанием и, возможно, эндогамностью [Гурвич, 1980, с. 112]. Судя по всему, черты социального неравенства были присущи и тайгоносцам, поскольку есть сведения о наличии среди них владельцев достаточно крупных стад [Там же]. Возможно, что общественный уклад у коряков-тайгоносцев был более однородным, чем у верхнепареньцев, без ярко выраженных социальных полюсов.

Несмотря на некоторые различия в укладе экономики, в целом практикуемый коряками палеоазиатский тип оленеводства имеет общие черты, среди которых наиболее важны следующие: крупные размеры выпасаемых стад, постоянное окарауливание животных, летний бесчумный выпас. В социальном плане корякам-оленеводам была присуща значительная имущественная дифференциация, на основе которой складывалась общественная структура, шло формирование локальных стойбищных группировок, являвшихся основными надсемейными социально-производственными ячейками. В начале XX в. производственная и общественная жизнь оленных коряков сосредоточивалась в стойбище, состоявшем из нескольких яранг (2–5), объединенных по принципу родства. Малооленные хозяйства коряков концентрировались вокруг крупного оленевода и были от него экономически зависимыми. При этом личные стада объединялись и выпас животных проходил совместными усилиями. Главной в стойбище считалась яранга владельца большей части стада оленей. С ним в яранге находились жена или жены, если он мог содержать их, все его дети, родные братья и другие родственники. В других ярангах жили экономически зависимые пастухи. «Крупновладелец» стада распоряжался всей хозяйственной деятельностью стойбища. Именно он решал, как будет идти перекочевка, избирал маршруты движения, сроки [Антропова, 1971, с. 84–85].

Организацией семейного быта в яранге руководила жена оленевода. Она занималась приготовлением пищи, уходом за одеждой, ее пошивом, заготовкой дров, воспитанием детей. Дети также были вовлечены в процесс домоустройства. Девочки учились обрабатывать шкуры, шить одежду, готовить, поддерживать огонь в очаге. Мальчики перенимали навыки оленевода, охотника, рыболова.

В сфере духовной культуры кочевые коряки являлись приверженцами традиционных верований с некоторыми чертами синкретизма, обусловленными влиянием христианских идей. Однако христианство, несмотря на значительные усилия церковных властей и миссионеров, практически не проникло в традиционное корякское общество, которое не отказалось от своих верований и культов. Как отмечает ряд авторов, коряки восприняли некоторые идеи христианства, обрядность. В их среде сложилась особая форма религиозного синкретизма, соединяющая традиционные верования с определенными элементами христианства [Вдовин, 1979, с. 98–99].

Эвенские домохозяйства, занимавшиеся главным образом охотой, являлись носителями ярко выраженного тунгусского типа оленеводства, при котором олень использовался только как транспортное средство, позволяющее постоянно передвигаться в поисках объектов охоты: пушных (белка, соболь, горностай, лисица и др.) и мясных (дикий олень, лось) зверей, а также совершать перекочевки к побережью для рыбной ловли. И охотничий, и рыболовный промысел эвены в основном вели индивидуально, иногда они объединялись в небольшие группы. Сборы эвенских семей проходили спорадически зимой во время ярмарок и летом во время рыбной путины. Эти домохозяйства обладали небольшим количеством хорошо прирученных животных, которые выпасались вблизи жилища, не боялись человека, были приучены к подкормке, дымокуру и обучены ходить под седлом: на оленях вьючным способом перевозили грузы, верхом передвигались люди. Забивали оленей лишь в исключительных случаях, источником питания служили дикие олени, лоси, заготовленная летом рыба, а также привозные продукты, получаемые путем обмена на пушнину.

Комплексный характер жизнеобеспечивающих практик малооленных эвенов обуславливал их частые и длительные перекочевки, свойственные и оленеводам Северо-Эвенского района. Осенью с морского побережья они направлялись вглубь континента, на притоки р. Колымы, часто доходили и до самой Колымы, весной двигались в обратном направлении. Согласно архивным материалам, в течение осенне-зимнего периода оленеводческие хозяйства совершали от 60 до 100 перекочевок, т.е. на одном месте стояли не более трех дней. Весной делали более продолжительные остановки, вызванные отелом оленей. Малооленные хозяйства спускались к морскому побережью в начале мая [ГАМО, ф. Р-50, оп. 1, д. 5, л. 2–4].

Именно в силу высокой степени хозяйственной индивидуализации эти эвенские домохозяйства в экономическом отношении характеризовались известной самостоятельностью и инициативностью, а в социальном плане — парциальностью и высоким авторитетом главы каждого домохозяйства, который сам принимал текущие решения.

Однако в ходе межэтнического контакта с коряками эвены восприняли другой опыт хозяйствования, т.е. заимствовали навыки ведения крупностадного оленеводства. И эвены, кочевавшие в районе Гижиги, переняли некоторые черты палеоазиатского способа ведения хозяйства, вследствие чего стал возможен переход к крупностадному оленеводству. При этом оленеводство у данной группы эвенов утратило преимущественно транспортное направление, и хозяйственная деятельность стала организовываться так же, как у коряков. В среде эвенов выделяется зажиточная прослойка, вокруг которой группировались малооленные или безоленные сородичи [История..., 1997, с. 25; Хаховская, 2008, с. 96].

Социальные отношения претерпевают изменения, выделяется слой зажиточных хозяев, которые в выпасе оленей уже прибегают к услугам маломощных пастухов. В их социальных отношениях прослеживаются черты, характерные для палеоазиатского типа оленеводства. Такие тунгусские хозяйства, обладавшие более крупными стадами, уже могли жить и за счет оленеводства. Однако комплексный характер природопользования не был изжит. Перекочевки стад совершали, учитывая возможность ведения промыслов и рыболовства. Из-за увеличения поголовья оленей весенние стоянки стали более длительными. Оленеводы спускались к побережью в первой половине июня [ГАМО, ф. Р-50, оп. 1, д. 5, л. 2–4], чтобы рожденные оленята успели окрепнуть. Выпас оленей осуществляли с сезонным роспуском в период появления грибов, когда стадо становилось неуправляемым. Для охраны от волков использовали собак.

На развитии общественных отношений эвенов сказались особенности хозяйственной деятельности отдельных локальных групп. Кочевники-эвены Северо-Эвенского района составляли единую этническую группу с ольскими оленеводами и объединялись в роды [ГАМО, ф. Д-2, оп. 1, д. 16, л. 63–66]. В то же время род как социально-экономическая единица был утрачен задолго до установления советской власти, а формально существовавшие роды являлись лишь пережитком дореволюционной административной системы и объединяли людей не по родственному, а по территориальному признаку [Хаховская, 2001, с. 69]. Основную хозяйствующую единицу представляла локальная группа, состоявшая из нескольких родственных семей [Попова, 1981, с. 100–102], которые вели общее хозяйство зимой, что позволяло более продуктивно осваивать природные ресурсы. Главы эвенских домохозяйств самостоятельно решали, когда и в каком направлении кочевать, где вести промысел. В весенний и осенний периоды община распадалась на семьи, продолжавшие хозяйствовать самостоятельно. Семьи объединялись в крупные группы в начале лета на побережье или по рекам для проведения традиционных праздников.

Жены оленеводов занимались бытом. Помимо готовки пищи, выделки шкур, пошива одежды, ухода за мужем и детьми, женщины летом были задействованы на рыбодобыче. Старики и дети также принимали участие в рыболовстве. В первой четверти XX в. оленеводческие хозяйства будущего района сохраняли натуральный характер. Практиковались различные способы ведения оленеводства эвенами и коряками, что объясняется исторически.

Таким образом, в среде оленеводов мы видим разнообразие форм хозяйствования: с одной стороны, тип палеоазиатов-оленевонов (коряки) с их крупнотадным оленеводством, с другой — эвенское хозяйство, ориентированное на охоту и рыболовство, наряду с ними наблюдаются измененные формы хозяйствования как у коряков, так и у эвенов.

Все четыре формы хозяйствования в традиционный период природопользования стабилизировались на определенном уровне, при котором удовлетворяются все потребности оленеводов. Как и при всяком экстенсивном кочевом скотоводстве, численность животных постоянно колебалась под влиянием неблагоприятных внешних факторов: повторяющихся гололедов, суровых многоснежных зим, эпизоотий [Крупник, 1989, с. 149]. Неблагоприятные периоды можно отметить и в хозяйствах, характеризующихся комплексностью. Так, благополучие эвенов часто зависело от состояния пушной фауны, количества популяций лосей и диких оленей, на которых они традиционно охотились. По данным чиновников выходило, что «для безбедного существования семье кочевого инородца надо иметь не менее 25 оленей» [Хаховская, 2010, с. 228]. Ясно, что здесь речь идет об эвенских хозяйствах, использовавших оленей только для переездов и во время охоты.

В случае полной потери оленей положение кочевников становилось критическим. Именно такая ситуация в начале XX в. сложилась у группы кочевников-тунгусов (эвенов) Охотского побережья. Утратив по каким-то причинам животных, они вынуждены были осесть в верховьях р. Гижига (66 чел.) и в районе р. Вилига (258 чел.) [ГАМО, ф. Д-24, оп. 1, д. 2, л. 167 об.].

Дестабилизирующим фактором для коряцкого оленеводства стала постоянная вынужденная поддержка оседлого населения. Источники отмечают, что в ходе межэтнических контактов в XVIII–XIX вв. сложились родственные связи между казаками, коряками, особенно оседлыми, эвенами, которые проживали в Гижиге, Пенжине. Основным доходом оседлых коряков и жителей Гижиги были рыболовство и охота, которые не всегда могли их прокормить. Поэтому нередко им требовалась поддержка со стороны оленеводов. В годы неурожа рыбы на помощь гижигинцам приходили коряки-оленевоны, снабжавшие население мясом, шкурами оленей [Вдовин, 1994, с. 80]. Близость крупных населенных пунктов — Гижига, Пенжина — оказывала двойственное влияние на коряцкое оленеводство: с одной стороны, давала возможность вести обмен, получать нужные для оленеводов товары, с другой — наносила значительный урон поголовью, особенно в случае голодовок среди гижигинцев, которые случались часто.

Таким образом, в традиционный период оленеводство существовало как жизнеобеспечивающая система природопользования с ярко выраженными отличительными чертами, в значительной степени контролируемые этническим фактором. Состояние традиционных сообществ оленеводов, находившихся до известной степени в ситуации закрытости, т.е. без специально направленных преобразовательских усилий с внешней стороны, время от времени подвергалось периодическим изменениям, не носившим специфического характера, но отражавшим саму ситуацию взаимодействия культур и этносов в локальном пространстве. Взаимодействие же

кочевнических сообществ с внешним миром оказывало на них, как правило, дестабилизирующее влияние именно потому, что оленеводство являлось той отраслью, из которой черпались ресурсы для поддержания смежных хозяйственных сфер и практикующих их сообществ. Вместе с тем традиционное оленеводство, и в первую очередь его палеоазиатский вариант, обладало достаточно мощным защитным импульсом, который препятствовал его разрушению: самодостаточные хозяйства могли просто свести к минимуму все возможные межэтнические контакты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антропова В.В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сиб. этногр. сб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 2. С. 99–245.
- Антропова В.В.* Культура и быт коряков. Л.: Наука, 1971. 216 с.
- Арсеньев В.К.* «С научными целями на собственный счет»... // Сев. просторы. 1999. № 3–4. С. 70–76.
- Банщикова Н.В.* Оленеводство Среднеканского района: История и перспективы // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. 2012. № 1. С. 114–121.
- Бацаев И.Д.* Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929–1953 гг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997. 138 с.
- Билибин Н.Н.* Обмен у коряков / Науч.-исслед. ассоц. Ин-та народов Севера ЦИК СССР. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 40 с.
- Вдовин И.С.* Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 86–114.
- Вдовин И.С.* Гижига — город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1994. С. 78–82.
- Гурвич И.С.* Коряки Северо-Эвенского района Магаданской области // Полевые исследования ИЭ. 1978. М.: Наука, 1980. С. 111–119.
- Гурвич И.С.* Проблема этногенеза оленных групп чукчей и коряков в свете этнографических данных // На стыке Чукотки и Аляски. М.: Наука, 1983. С. 96–119.
- История и культура эвенов.* СПб.: Наука, 1997. 180 с.
- Иохельсон В.И.* Коряки: Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 238 с.
- Крашенинников С.П.* О корякском народе // Описание земли Камчатки. М.: Эксмо, 2010. С. 381–401.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Кн. изд-во, 1983. С. 102–135.
- Полежаев А.Н.* Об оленеводстве на Севере Дальнего Востока России // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. 2006. № 2 (6). С. 43–48.
- Попова У.Г.* Эвены Магаданской области. М.: Наука, 1981. 304 с.
- Хаховская Л.Н.* Прошлое и настоящее аборигенов Охотского побережья: (Эвены и камчадалы) // Мир коренных народов — Живая Арктика. 2001. № 8. С. 67–72.
- Хаховская Л.Н.* Коренные народы Магаданской области в XX–XXI вв. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.
- Хаховская Л.Н.* К вопросу о традиционном рационе питания охотских аборигенов // VI Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 50-летию СВКНИИ ДВО РАН. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 227–230.
- Шавров К.Б.* Примечания // В.И. Иохельсон. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. С. 230–233.

Магадан, СВКНИИ ДВО РАН
banshchikova1986@mail.ru

In the early XX c., ethnic transformations among North East reindeer breeders were mainly conditioned by inter-ethnic contacts under which influence the life style of the indigenous people suffered certain changes, i.e. adapted to re-created ethnocultural conditions. However, in the process of adaptation different ethnic groups displayed considerable differences, resulting in the origin of new ethno-local groups.

Traditional environmental management, the Koryaks, the Evens, paleo-Asian method of reindeer breeding, Tungus type of reindeer breeding.